

№10 январь 2000

Этот номер посвящён, конечно же, Вите. По неписанным правилам редактор не публикует в своём издании собственных сочинений. Но мы сегодня забудем об этих правилах. Почитайте его стихи, прочтите его рассказ. Вспомните о нём, живом.

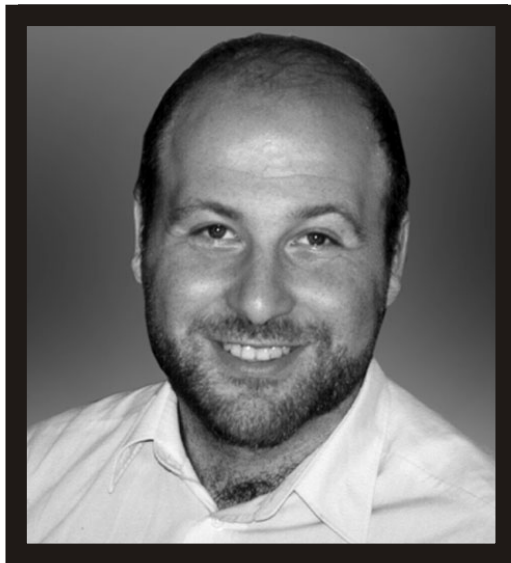
Мы много спорили при жизни. Витя был азартный спорщик. У него на всё имелось собственное мнение, за которым стоит не сомнение, но позиция и интеллект много думающего человека. Поэтому и спорить с ним было интересно. Наверное, и при составлении нынешнего номера он был бы с чем-то категорически не согласен, над чем-то хмыкнул бы иронически. Против чего-то бы возражал, резко и горячо. Так обычно и бывало. И вдруг улыбался внезапно, и эта его улыбка была почти зримой в строчках электронных писем: «Ладно, валяйте. Ересь, конечно, но небезынертная».

Его смерть потрясла своей неожиданностью. Хотя сегодня, вчитываясь в его стихи, мы поражаемся тому, как много он размышлял об уходе. И смотрел - туда - без страха и даже с любопытством: естествоиспытателя и поэта.

Нам не дано знать, каково ему сейчас. Наверное, в глубине души его бы порадовало, что столько людей искренне любят его, потрясены, вырваны из спячки, пишут о нём, читают его стихи. Просто - читают стихи. Эту радость он обязательно замаскировал бы иронией, улыбнувшись над собой и над нами. И пожелал бы нам благ.

Спасибо.

Редакция АП'

Виктор Шнейдер 1971-2001

Поэт, переводчик, прозаик, бард. Автор двух стихотворных книг. В 1999 году он стал лауреатом международного конкурса Тенета за переводы немецкого поэта Герхарда Тенцера. Переводил Генриха Гейне. Его перу принадлежат эссе о «Гамлете» и «Докторе Живаго». Неоднократно выступал с концертами в Германии и в Америке.

Несчастный случай во время катания на горных лыжах оборвал его жизнь. Ему было двадцать девять лет.

фото Б. Долинского

Ante lucem

Летела по миру планета,
Эфирный ветер дул в лицо.
Я был пиратом, был поэтом,
Я был египетским жрецом.
Дворцы узнал я и казармы,
На плахе голову сложив,
Я исчерпал четыре кармы,
Но все-таки остался жив.
Остался жив, чтобы планета,
Пронесшись сквозь пространства

твердь,

Меня бы донесла до света:
Я так мечтал его узреть!
И лично считал я драмой
То, что Земля на трех слонах,
А те стоят на самой-самой
Медлительной из черепах.
И, вечной тьмою ослепляем,
Судил и сам бывал судим,
Но чую и благословляю
Свет - тот, что брезжит впереди.

Первый снег 1991

Петербург устал от осени,
Возмечтал о манне с неба,
Протянул ладони к просини -
Ловит милостыню снега,
И уже асфальтно-каменной
Кожей снег расплавил.
Я спросил у брата Каина:
„Где, мол, брат твой Авель?“

„Славный парень, жаль что пария.

Да и сторож ему, что ли, я?

Говорят, попал в аварию -
Очень грустная история.“

И вина недоказуема

И была ли вовсе?

Что Господь? Пустить слезу ему -
Это снова осень.

И листва, как прежде, жёлтая,

И зелёная, и красная,

А толпа на Невском плотная,

И усталая, и... Разная.

И Васильевские линии

Белизны не сносят.

Глянесь в небо - небо зимнее.

Глянесь в землю - осень.

Но Петербург устал от осени,

Да и я, признаться, тоже,

И тяну ладони к просини,

Мол, помилуй, Боже.

Из перины туч распоротой

Валится и кружит

Белый снег над чёрным городом

И уходит в лужи.

Так, наверно, и скончаюсь -

Не тоскуя, не скучая,

Что ни улицы, ни лица

Не желают больше сниться,

Даже несколько стыдятся...

Глядь, а жизнь оборвалась.

Большое количество материалов о Витином творчестве, отклики людей на эту трагедию, ссылки на страницы Интернета, где опубликованы его стихи, проза, эссе: www.forum.bards.de